

УДК 130.123(470+571)

UDC 130.123(470+571)

**О РАДИКАЛИЗМЕ В РЕШЕНИИ
КРЕСТЬЯНСКОГО ВОПРОСА В РОССИИ**

**RADICALISM IN SOLVING THE PEASANT
PROBLEM IN RUSSIA**

Данилова Марина Ивановна
д.ф.н., профессор

Danilova Marina Ivanovna
Dr.Sci.Phil., professor

Анастасов Владимир Давидович
аспирант

Anastasov Vladimir Davidovich
postgraduate student

Побегуца Алексей Васильевич
аспирант
*Кубанский государственный аграрный
университет, Краснодар, Россия*

Pobegutsa Alexey Vasilevich
postgraduate student
Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia

В статье осмыслена проблема радикализма в решении крестьянского вопроса в России в XIX-XX веках, что является актуальным и для современной России. Мы изучили и использовали в нашей работе труды различных авторов, занимавшихся исследованием проблем национального землепользования. Нами были выявлены характерные черты радикализма в решении крестьянского вопроса, определены направления государственной политики и особенности менталитета и хозяйственной культуры российского крестьянства в XIX-XX веках. В связи, с чем были сделаны соответствующие выводы

This article considers the problem of radicalism in solving the peasant problem in Russia in XIX-XX centuries that relates to the solution of the same tasks in the modern Russia. We studied and applied in our research the works of different authors who studied problems of national land tenure. We characterized main features of radicalism in solving peasant problem, determined directions of state policy and the specific of mentality and economic culture of Russian Peasantry in XIX-XX centuries. Based on this we made the relevant conclusions

Ключевые слова: КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС, РАДИКАЛИЗМ, ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА, ИНДИВИДУАЛИЗМ, КОЛЛЕКТИВИЗМ, МЕНТАЛИТЕТ, ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА, СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ

Keywords: PEASANT PROBLEM, RADICALISM, ECONOMIC POLICY, INDIVIDUALISM, COLLECTIVISM, MENTALITY, ECONOMIC CULTURE, SOCIAL CAPITAL

Реформирование в истории России во всех сферах носило радикальный характер. Еще Н. Бердяев говорил о маятниковом сознании русских. Наиболее трагично по своим последствиям эти реформы проявились в крестьянском вопросе. Вопрос о земле во все времена на Руси был основным вопросом, от которого зависело решение других, чрезвычайно важных проблем. Ф.М. Достоевский еще в XIX веке писал: «...И порядки, и законы и нравственность, и даже самый ум наций, и все, наконец, всякое правильное отправление национального организма организуется лишь тогда, когда в стране утвердится прочное землевладение...каков характер землевладения, таков и весь характер

нации» [Цит. по 1, С 10]. Для России XX столетие заканчивалось так же, как и начиналось — спорами по вопросу о земле.

Таким образом, выбранная нами тема исследования весьма актуальна.

Объектом исследования данной статьи является крестьянский вопрос в России в XIX-XX вв. Предметом – проблема радикализма в решении крестьянского вопроса в России.

Целью нашего исследования является сбор, систематизация и философское осмысление проблем радикализма в решении крестьянского вопроса, актуального для России переходного периода.

В связи с обозначенной целью нами были поставлены и решены следующие задачи исследования:

1. Выявлены характерные черты радикализма в решении крестьянского вопроса в России.

2. Определены основные направления государственной политики, изменение приоритетов в развитии российского крестьянства и социокультурные изменения в общественном сознании в России XIX - XX вв.

3. Систематизированы философские исследования различных авторов, занимающихся проблемами радикализма в решении крестьянского вопроса в России.

Теория народного хозяйства есть, по Шмоллеру, наука о человеке, наука историческая и этическая, наука гуманитарная и культурная. Мир хозяйственной культуры возникает благодаря, в первую очередь, духовным силам людей, которые проявляются сперва как чувства и побуждения, как представления и цели, а затем как действия и привычные направления воли. По мере того как психология и этика исследуют совокупность этих сил в целом, национальную экономию все чаще называют психологической и этической наукой[2, С.69].

Индивидуум представляет собой совокупность целей, укорененных в наиндивидуальной совокупности целей культуры. Чем выше культура, тем важнее становятся психико-этические причины; и несовершенство прежней национальной экономики связано именно с тем, что она игнорировала эту большую и важнейшую половину причин. В соотношении базиса и надстройки, в особенности сегодня, наблюдается противоположное тому, что утверждал Маркс: с развитием экономики прослойка культуры все сильнее определяет базис, а не базис определяет промежуточную прослойку и верхнюю надстройку хозяйства.

Общества переходного периода характеризуются дезориентацией личности, социальных групп и слоев в идеологических и ценностных категориях, в принципах организации государственной и общественной жизни.

Новое утверждает почти всегда вразрез сложившейся логики вещей. Задачей руководства страны, стоящей у истоков изменений, заботящихся о судьбах народа, является сведение к минимуму культурологических и социальных потрясений от проявления последствий экономических и хозяйственных реформ. Этот идеал расходится с действительностью.

Коллективизм, солидарность, интернационализм, единая идеология — основные черты Советской страны. С распадом СССР усилились процессы дезинтеграции и рост националистических настроений; процесс демократизации связан с многопартийностью и плюрализмом мнений; формирующийся рынок с жесткими условиями конкуренции. Эти процессы отражают проявление индивидуализма в культуре.

История обществ это в большей степени история коллективистических обществ. Индивидуалистические общества существовали лишь в античных Греции и Риме, а потом утвердились в

Западной Европе, начиная с XVII века. Каждая новая эпоха воспроизводит коллективизм и индивидуализм в новой форме.

При всех различиях, свойства как «коллективизма» так и «индивидуализма» имеют общие черты. А.А. Ивин [См. 3] определяет их следующим образом.

«Коллективизм» означает признание абсолютного главенства некоторого коллектива или группы — например, общества, государства, нации или класса — над человеческой личностью. «Индивидуализм» подчеркивает автономию личности, ее независимость и самостоятельную ценность, это учение об индивиде как самоцели, о неограниченных потребностях и абсолютных правах личности, о ее полной свободе и независимости от общества и государства.

Крайним проявлением коллективизма являются общества тоталитарные, подчиняющие все стороны социальной и индивидуальной жизни контролю государства. Крайним проявлением индивидуализма являются анархия, эгоизм и одиночество.

На заре капитализма индивидуализм сыграл решающую роль в становлении экономики хозяйствования и рыночных отношений, создал условия для творчества, самобытности и самоопределения личности, утвердил ее автономию.

В экономических учениях Адама Смита индивидуализм рассматривается как естественное порождение природы человека и как идеологическое условие нормального функционирования частнособственнической экономики. Начиная с Бентама и Милля, происходит слияние индивидуалистической теории полезности с политической экономией. Буржуазный оптимизм сквозит в высказывании А. Смита: «Добиваясь личного обогащения, люди часто гораздо больше работают на благо общества, чем если бы они прямо искали этого блага». Сторонники индивидуализма (А. Смит, С. Миль, Б. Констан, Д. Локк),

понимая, что неограниченная индивидуальная свобода приведет к нарушению принципа равенства, тем не менее, считали такую свободу приоритетной ценностью. «...Никто ...не защищает чужого интереса, если не надеется тем самым упрочить своего личного благосостояния»— писал Спиноза в «Политическом трактате» [4, С 352].

Спецификой российских преобразований в аграрной сфере является то, что они проводились «сверху». Столыпинская аграрная реформа была направлена против общины, с целью индивидуализации крестьянского землевладения. Право собственности на землю выделявшихся крестьян гарантировалось институтом личной, а не семейной, как прежде собственности. Со стороны крестьян наблюдалось противостояние правительственному курсу на уничтожение общины и вскрывающимся административным злоупотреблениям. Реформа насаждалась «сверху» и часто не учитывала местных особенностей. Положительной стороной преобразований явилось то, что они стимулировали пробуждение хозяйственной инициативы у наиболее энергичной части землевладельцев и способствовали привлечению крестьян к более рациональным формам хозяйства.

Столыпинская реформа осуществлялась десять лет. Важной проблемой для крестьянства было малоземелье в центральных губерниях России. Столыпин предложил организовать массовое переселение малоземельных крестьян в Сибирь и на Дальний Восток, где располагались нетронутые земли, которую можно было обрабатывать и богатеть. За этот период вышли из общины и закрепили землю в собственность 23 процента хозяйств, а полностью порвали с общиной и вышли на хутора 10,6 процента крестьянских хозяйств. Число крестьян переселившихся из центральных районов за Урал составило 3 млн. 100 тыс. человек. Переселение крестьян проходило в тяжелых условиях. Правительственная ссуда была незначительна. Переселенцам отводились земли в глухих,

удаленных от железной дороги районах. Поэтому многие из них, полностью обнищав, возвращались обратно.

Социал-демократическое движение было экспортировано в Россию. Лозунги большевиков были позаимствованы у эсеров: «мир – народам», «земля – крестьянам», «фабрики – рабочим» и отражали назревшую социальную революцию, где каждый должен был почувствовать себя хозяином. В случае выполнения этого принципа в России мог утвердиться кооперативный социализм. Сами масштабы кооперативного движения в России, охватившего накануне революции десятки миллионов самодеятельного населения, свидетельствовали о назревшем историческом характере этой экономической и социальной революции. Но этого не произошло. Перевоспитание «мелкобуржуазного» крестьянства в духе пролетариата, противопоставило крестьянскому большинству страны меньшинство пролетариата в лице партии большевиков, готовому воевать с собственным народом, как «изгоем» мирового прогресса, тем самым, меняя национальный менталитет, присущий крестьянству.

Коллективизация, проведенная в первые годы советской власти и деколлективизация, проводимая с начала 90-х годов, по мнению Е.С. Строева, при всех различиях имеют общие черты. Оба процесса проводились «сверху» без сколько-нибудь значительного движения или готовности к этому со стороны «низов». Сходство между коллективизацией и деколлективизацией заключалось и в том, что главным проводником реформ оказался горожанин. В 30-е годы это были партийные и государственные чиновники, «двадцатипятидесятники», силовые структуры (включая армию). В 90-е годы в фермеры, к сожалению, в большом числе пошли далекие от сельского хозяйства люди, в том числе получившие кредиты авантюристы. Хотя среди фермеров было много и крестьян, в том числе квалифицированных специалистов, которые и составляют сейчас определенный процент работающих.

У идеологов конца 20-х и начала 90-х годов в точности совпадают и установки на быстрое и радикальное решение вопроса. Поскольку в Советской России земля была национализирована, это предопределяло высокие темпы коллективизации, по мнению руководства. Доводы авторов реформы начала 90-х годов: делать нужно как можно быстрее, пока у власти те, кто поддерживает любые радикал-либеральные шаги в отношении деревни, в конечном счете, важно было не допустить деревенского сопротивления капитализму. Та же цель, но с противоположным знаком — направить «капиталистическую деревню вслед за социалистическим городом», была в 30-е годы. Согласно идеологии 30-х годов — объединяющиеся в кооператив изначально не должны быть собственниками. В начале 90-х годов также в угоду идеологии, наименьшую эффективность агропромышленных структур по сравнению с Западом свели к их размерам, последовал приказ — разукрупнить и повсеместно вводить индивидуальную частную собственность, чем нанесен вред сельскому хозяйству.

Как замечает А.С. Панарин, социальные и социально-экономические предпосылки народного капитализма в России к 1991 году имелись. Банковские вклады населения еще в начале 80-х годов в сумме приближались к 500 миллиардам рублей (в ценах того времени). На складах предприятий хранилось так называемых неликвидов (неустановленного оборудования) примерно на эту же сумму. Если бы наши реформаторы позволили встретиться этим двум потокам посредством свободной продажи неликвидов, а также таким формам поощрения массовой предпринимательской инициативы, как лизинг (аренда оборудования) и поощрительная кредитно-налоговая политика, экономическая революция народного капитализма могла бы состояться в России. Она вполне была подготовлена и происшедшим к тому времени сдвигом в системе массовых ценностей. Большинство опрошенных в 1992

— 1993 годах респондентов на вопрос о своем главном жизненном кредо ответило: «Быть самому себе хозяином». Однако состоялась номенклатурная приватизация, приведшая к обнищанию большинства населения [5].

В контексте крупных перемен 90-х годов практика аграрных преобразований выглядит самым противоречивым и наименее результативным процессом, пишет Е. Строев в работе: «Земля, хлеб, крестьянин как собственник - понятия для власти стратегические» [6]. Именно осознание необходимости кардинального переустройства сельской экономики, социальной сферы, продовольственного обеспечения населения страны стало одним из главных побудительных мотивов к переменам и в середине 80-х, и в 90-е годы, по его мнению. Социальное положение сельского населения и крестьянства, в большинстве своем, не улучшилось; сельский товаропроизводитель так и не обрел необходимой степени свободы в принятии решений и необходимого спектра возможностей для их реализации. Обострилась проблема национальной продовольственной безопасности. Ее порог, без учета качества и стандартов, определяется двадцатью процентами импорта продовольствия.

Тема продовольственной безопасности напрямую связана с безопасностью национальной. На сегодняшний день наш потребительский рынок очень сильно зависит от западного производителя. Сегодня импортное продовольствие составляет 36%. В крупных мегаполисах, в Москве и Санкт-Петербурге импортные продукты достигают 70%. [8]. Ситуация обостряется в условиях мирового продовольственного кризиса. Единственным ресурсным резервом для планеты является агросфера России, составляющая десять процентов мировой пашни и пятьдесят пять процентов мирового чернозема. По вполне адекватным оценкам, российский аграрный потенциал в состоянии качественно прокормить 2–2,5 миллиарда людей. Вопрос в том, хватит ли воли и способности у

России, у власти - и законодательной, и исполнительной, и местной - реализовать этот гигантский потенциал... Разговор об этом продолжается уже не одно столетие, но все реформы, как правило, заканчиваются новыми потрясениями [6].

Россия долгое время была патриархальной страной с родовыми коллективистскими началами. Не случайно Герцен пришел к выводу, что русская деревенская община и артель содержат задатки социализма, который найдет свое осуществление в России скорее, чем в какой-либо другой стране. Деревенская община означала для него крестьянский коммунизм. Он верил в будущее социализма, однако не рассматривал социализм как совершенную форму общественных отношений. Еще в 1849 году он писал: «Социализм разовьется во всех фазах своих, до крайностей, тогда снова вырвется из титанической груди революционного меньшинства крик отрицания и снова начнется смертельная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущей, неизвестною нам революцией» [7, С. 102-103]. Его мысли оказались пророческими.

Между патриархальным дворовым укладом и коллективным колхозным со временем обнаружилась существенная разница. В. Виноградский исследовал состояние дел в колхозе и крестьянском дворе и пришел к выводу, что если первое десятилетие после революции колхоз являл собой «сколок двора», то предвоенный и особенно послевоенный крестьянский двор сознательно начал избегать привычной дворовой самоэксплуатации и принял новые колхозные правила — не особенно напрягаться и выкладываться. Начинается постепенное перерождение крестьянского двора в сообщество функционеров, работающих не по собственному понятию и плану, а по ежедневному бригадному подряду. Подобная колхозная практика снимала с человека часть забот, связанных с необходимостью самостоятельного выживания.

После «тихой коллективизации» шестидесятих годов, когда укрупняли коллективные хозяйства и селяли так называемые неперспективки, структура крестьянского общества радикально перестроилась, и уже двор превратился в филиал колхоза. Состояние тогдашнего крестьянского общества предельно емко выражено во фразе: «Все вокруг колхозное, все вокруг мое». Колхоз крестьяне стали рассматривать как доступную «инфраструктуру» двора. Заготавливая в хозяйстве 950 тонн сена, 50 сбрасывал на воровство, или это называлось «на благоустройство станицы». Двор перестал быть источником трудового, хозяйственного поведения вне его границ. Кропотливо трудясь на собственном участке, подобное поведение в колхозе воспринимали не как норму, а как чудачество и глупость. Коллективизм переродился в свою противоположность — забота о собственном благе и благе своей семьи за счет общего становится нормой.

Особенность национального индивидуализма проявляется и по отношению к восприятию «свободы». В российском понимании — это, скорее, возможность вести жизнь «по душе», быть самому себе хозяином, чем реализация каких либо прав. «Нам никакой власти не надо!..» — так высказался саратовский крестьянин В.И. Воротников. В практике нынешнего крупного сельхозпредприятия, пишет В. Виноградский, недостает спокойной, рациональной, законной, «капиталистической» жесткости. Не хватает правил разумной хозяйственной игры.

«Русский народ как будто бы хочет не столько свободного государства, свободы в государстве, сколько свободы от государства, свободы от забот о земном устройстве», — так высказался Н. Бердяев, исследуя психологию национальности в работе «Судьба России» [9, С.5]

Социологические исследования, проведенные на заре перестройки крестьяноведческой лабораторией А.А. Хагурова показали, что наряду с отсутствием должной финансовой поддержки аграрного сектора,

нежеланием администрации предприятия брать на себя ответственность за ход реформы особо выделяется психологическая и эмоциональная неготовность жителей к новым формам хозяйствования. Одной из основных потерь является, на наш взгляд – состояние и мироощущение «социального капитала» деревни, хутора, станицы в нынешних условиях.

Социальный капитал полноценно работает тогда, когда повседневные отношения между людьми нацелены на облегчение и устраняют препятствия организационные, технологические, моральные в совместных действиях. Это неоощуцаемая, не всегда улавливаемая, но постоянно присутствующая жизненная атмосфера. Она-то и поменялась не в лучшую сторону. Виноградский назвал это неформальной экономикой.

Специфика социального капитала — его сокровенность, он собирает в своих объемах и запасах отношения между людьми — те импульсы и процедуры, которые необходимы для построения и воспроизведения длительных доверительных отношений. Социальный капитал связывает людей, проявляясь через взаимодействия, это результат сети междусемейной поддержки [10]. Это многократные неформальные обращения людей друг к другу, обеспечивающие стабильность их взаимовыручки. Важная их характеристика — отсутствие стремления к точно просчитанной экономической эквивалентности обменов помощью. Здесь действует рациональный принцип: если ты кому-то помог, то и тебе, когда это понадобится – помогут. В.Виноградский пишет, что объем взаимных обменов, дарений и трудовых услуг занимает почти четверть общего бюджетного оборота семейного хозяйства.

Нынешнее состояние дел в междусемейных отношениях иное. Злоба и зависть, вызванные конкуренцией, неумением приспособиться — разгородили семейные крестьянские дворы. Отрицательная оценка психологического восприятия новейшего времени отмечается абсолютно во всех регионах, где проводились исследования [Там же]. В отношении

начали входить криминальные моменты, и в этом проявляется такая степень отчуждения, за которой следует полный развал села как микрокосма, как сообщества людей одной социально-экономической судьбы. Это процесс деформации социального капитала, когда почти за каждый шаг в нашем современном мире ты должен заплатить. На эти холодные и расчетливые моменты особенно сетуют сельские жители, привыкшие жить людьми одной судьбы, людьми спаянными, а современное время не позволяет им быть таковыми.

Кроме того, отсутствие элементарной правовой грамотности делает селян фактически беспомощными в спорах по земельным вопросам (около половины опрошенных). Распределением земельных паев в начале перестройки были недовольны 44 % опрошенных в кубанских селах. 56,8 % респондентов не знали, что с этим наделом делать, причины назывались разные — нет денег, нет техники. Только 15,2 % жителей села готовы были выйти и организовать собственное производство, но и они не знали, как реализовать собственную продукцию.

Неуверенность в завтрашнем дне, отсутствие индивидуального начала в деятельности — таково состояние большинства сельских тружеников на заре перестройки. Есть большое число людей, которые хотят, чтобы ими хорошо управляли, не требуя от самих себя никакой политической, экономической активности и инициативы.

Исследователи все чаще сходятся во мнении: как основанный на индивидуализме и частном интересе «чистый либерализм», так и строящийся на одном коллективизме «чистый социализм» являются крайностями для современных условий. Научный подход основан на одновременном развитии обоих принципов, их взаимодополняемости и конвергенции во всех сферах с оптимальным проявлением этих процессов на уровне творческих систем.

В настоящее время есть положительные примеры решения экономических проблем села. Об этом свидетельствуют последние документы поддержки села на государственном и региональном уровне, а также их претворение в жизнь. Однако, помимо экономических мер следует обратить особое внимание на решение социальных, психологических и социокультурных проблем, возникших в результате радикальных преобразований. Умелое сочетание духа соперничества и сотрудничества в зависимости от конкретных целей предпринимательской активности оздоровило бы атмосферу хозяйственной культуры. Эффективная политика должна разрешать парадокс свободы и власти. Проблема в том, что ослабление государственного регулирования снижает экономический и военный потенциал, а его усиление подавляет свободу и ответственность. Приходится отыскивать устойчивое равновесие между ними.

Для поддержания связи между поколениями, сохранения традиций, более приемлемыми, и менее болезненным явились бы эволюционные постепенные изменения, реформационные сдвиги в модернизации инфраструктуры села.

Программные обязательства по привлечению молодых специалистов и поддержка молодых семей поможет возродить деревню. Организация различного рода курсов повышения квалификации, консультативных центров, будет способствовать налаживанию хозяйственной культуры крестьян. Восстановление и строительство домов культуры, библиотек и стадионов сохранит микроклимат добрососедства. Сочетание и поддержка различных форм хозяйствования, выявит способности, возможности и позитивный настрой большинства сельских жителей. Поощрение семейных форм хозяйствования – укрепит и закрепит на земле крестьянские семьи. Хочется верить, что последовательное выполнение

программы государственной поддержки агропромышленного комплекса даст на практике положительные результаты.

Тем не менее, приходится констатировать то, что характер работы на земле стремительно меняется. Строев пишет, перебрав различные варианты организации крестьянского труда, они пришли к выводу, что лучше вертикально интегрированных агрофирм, основанных на крупной промышленной технологии, ничего нет. Современные технологии в интегрированных структурах позволяют одному человеку работать на 100 га пашни. Таким образом, крестьянин превращается в промышленного рабочего. Меняется микроклимат села из патриархального хозяйства, оно превращается в промышленное производство.

Н. Бердяев к особенностям русской ментальности относит пассивность, как он образно говорит «женственность». Русский народ не хочет быть мужественным. Личность не проснулась еще не только в России консервативной, но и в России революционной, что Россия все еще остается страной безличного коллектива. Но необходимо понять, что исконный русский коллективизм есть лишь преходящее явление первоначальной стадии натуральной эволюции, а не вечное явление духа. Необходимо, чтобы Россия осознала себя, стряхнула с себя пассивность, разбудила в себе мужественные силы и творческую активность человека, и почувствовала себя призванной к великим делам в мире» [9, С 15]. Эти слова остаются актуальными и сейчас. Необходимо найти индивидуальные начала в русской культуре и русской жизни. Пора перейти от преувеличенного чувства своих прав к усилению сознания своих обязанностей и к личной ответственности. Кроме того, реформы принесут успех, если будут проходить постепенно, отвечать вызревшим и осознанным интересам населения, а также целью преобразований должна быть не только экономическая эффективность, или политическая

ангажированность, но и оптимальное решение проблем социальной справедливости.

Литература:

1. Строев Е.С. Фундаментальные проблемы аграрных преобразований в России в XX веке // Вопросы философии. 1998. № 8. С. 3—15
2. Козловский П. Этическая экономия как синтез экономической и этической теории. // Вопросы философии № 8, 1996, С 66-89.
3. Ивин А.А. Основы социальной философии: Учеб. пособие для вузов, Гл. 3 / А. А. Ивин.– М.: Высш. шк., 2005
4. Спиноза Б., Избранные произведения, Госполитиздат, 1957, т. II
5. <http://www.scribd.com/doc/39964230> Панарин А. С. Искушение глобализмом.
6. <http://gras.oryol.ru/NAJ/01.html> Е. Строев. Земля, хлеб, крестьянин как собственник - понятия для власти стратегические
7. Герцен А.И. Избранные философские произведения. М., 1948. Т.2
8. <http://www.tvernews.ru/blog/2443/51368/> А. Чепа. Продовольственная безопасность – это безопасность национальная
9. Бердяев Н. А. Судьба России. Философское общество СССР, М., 1990
10. <http://magazines.russ.ru/znamia/2011/10/vv12.htm> В.Виноградский. Конец живого беспорядка. Ж. «Знамя» 2011, № 10.